

ms: ARION 3/1995

ойкумена

ТУТ И ТАМ

«Тут и там» (Hier und dort) — этот девиз мы выбрали для встреч поэтов, пишущих по-русски и по-немецки. Первая проходила в декабре 1989 года в музее Фолькванг в Эссене: во время 4-го Эссенского литературного фестиваля немецкая публика впервые получила возможность познакомиться с серьезными образцами русской современной экспериментальной и неоавангардистской поэзии, возникшей в культурной среде, которая, начиная с 60-х годов, создала свою собственную художественную жизнь за пределами официальной культуры.

Русские авторы неофициальной культуры подхватывают русскую культурную традицию, подавленную в советский период. Метафизический опыт представителей абстрактного искусства и супрематизма начала века продолжает свою жизнь в поэзии Геннадия Айги, Виктора Кривулина и Елены Шварц. Столь значимая для русской литературы традиция простого слова, обыденной речи возрождается в «барачной» поэзии 60-х годов, центральной фигурой которой является Игорь Холин. На это же время приходятся и истоки концептуальной и «соцартистской» поэзии, использующей языковые пространства советской массовой культуры, ее тривиальную мифологию и пропагандистских идолов.

В Москве и Ленинграде в мае 1991 года при поддержке Немецкого культурного центра имени Гете состоялось продолжение фестиваля «Тут и там», на этот раз, так сказать, в обратной перспективе: впервые новая немецкоязычная экспериментальная поэзия была перенесена в русскую культурную среду. Теперь уже русская публика получила возможность познакомиться

ся с поэтической традицией, начавшейся в 50—60-е годы конкретной поэзией и развитой в наши дни в неоавангардном литературном творчестве. Ансельм Глюк (Вена), Бодо Хелль (Вена), Томас Клинг (Кельн), Берт Папенфус-Горек и Саша Андерсон (оба из Берлина) соединяют в своих текстах столь разнородные традиции, как традиция экспериментального анализа языка (от дада до Венской поэтической школы) и традиция экспрессионизма (вплоть до современных текстов рок-музыки). Среди участников был и Хартмут Геркен — представитель «поэтической антропологии», чьи связи с русской культурой носят не только литературный, но и исследовательский характер. Современная немецкоязычная поэзия — так же, как и поэзия в России — уже не занимается поиском «чистых» форм, «первоэлементов» языка, как это было в классическом авангарде. Обращение к различным традициям приводит к утрате ими абсолютного характера, происходит синтез разнообразнейших и самых противоречивых течений.

Из программы этого фестиваля мы бы хотели представить на страницах «Ариона» двух участников: московского автора Льва Рубинштейна и живущего в Кельне Томаса Клинга.

1994 год Лев Рубинштейн провел в Берлине как стипендиат одного из наиболее крупных научных и культурных фондов Германии DAAD. Нам кажется, что предлагая один из текстов, написанных Рубинштейном в этот «берлинский год», мы поступаем вполне в духе фестиваля «Тут и там».

Публикуемые тексты Томаса Клинга («Русский дайджест») были написаны вскоре после его поездки в Россию вместе с другими участниками фестиваля и вошли в состав его последнего поэтического сборника «Прибор ночного видения».

Для того, кто тогда, в последней фазе перестройки, за несколько месяцев до августовского путча, впервые приехал в Советский Союз и побывал в Москве и Ленинграде, «Русский дайджест» Клинга не просто пестрые поэтические поминки по саморазрушающейся советской империи, но и постскриптум к собственным смятенным чувствам от поездки в неведомую страну. «Я был сплошной болью-, раной-глаз» — разнородные, но жадно схваченные обрывки зрительных образов отражают то, что прорывается — не без влияния западного культурного бескультурья — из-под советской оболочки: религиозность, православие, старина и новая нищета, и все это под «царапающе черно-желтым царским стягом», двуглавой тенью реющим над Невским проспектом.

Русская прелюдия Клинга — это все же больше, чем альбом четко снятых моментальных снимков, «невероятно точная, эффектно-проницательная поэтическая хроника» — как защищал ее от упрека в банальности путевых заметок Дитер М. Грэф. Зоркий взгляд способен проникнуть сквозь внешний покров непосредственных впечатлений и выловить подтекст отмеченных анахронизмов: в то время как точка зрения западного туриста буйствует в тексте зубоскальством словесного лихачества, тело гибнущей советской империи предстает — в «когтящем железе» эмблемы Аэрофлота и двуглавого орла — как последовательность знаков: «текстокортеж из черных ли-

ойкумена

музинов перекк / рывает кадр, Россия напоказ». И в то время как мы сами превращаемся в изваяния, «на корточках сидящие пред / могилой Хлебникова», невероятно живучая православная набожность непрекаемо вливается в строчки:

...голою рукой огарки
восковые старуха гасит, пропальвая в левую
собирает руку, и снова лес свечей горит
и отгорает.

«Русский дайджест 2»

Осенью 1995 года в Берлине проходит Международный ежегодный фестиваль искусств. На этот раз он посвящен Москве как центру современного искусства, московским художникам и литераторам. Многие участники фестиваля «Тут и там» продолжают традицию поэтических встреч — с надеждой на встречи новые.

*Аниетта Брокхоф, Сабина Хэнсен,
Норберт Вер, Георг Витте*

Перевод Сергея Ромашко

Томас Клинт

РУССКИЙ ДАЙДЖЕСТ 1

эскалатор-в-россию
распавшись машина махина частями
торчит, четко видно и слышно
аэропорт ленинградский посадочная полоса,
спуск в-падеенье-в-россию и
ухвкакомтемпе.

1
воспоминания под бывшим флагом; это
так давно и глубоко, вам надо бы себя
подать картинно, как в картинке, к примеру
сверху «с-птичьего-помета», пардон с полета,
иль хоть собачьего или такой взерошенной
котяры ресторанной, ментЫментЫментЫ.
итак, вооруженный глазом

и сверх того орудьем зрячим нацелясь на
стремительные-вниз-ступени эскалатора МЕТРО
ПОЛИС ТАК ДОЛГО ОСТРИЕМ В МОНОКЛЬ, проплыены
и «как-селедки» схожи эти лица в метро, и все они
хотят попасть куда-то, все.

2

таксистов крутой оборот, уч-
уяв ПАУЧЬЕ, конечно же, валюту
при том что связь, прямая связь прерв-
алась, и вот игра в рулетку Я ЗДЕСЬ
ТУРИСТ «разжиться б марками почтовыми», русс-
ляндия, последняя ты зона, барахол-
ка, я был сплошною болью-, раной-
глаз, как от атаки
саперными лопатками; шпицрутенов-сквозь-строй-про-
ход, а ведь задумано по-пруссски «ровным шагом». ночью
шварценеггер ступает жестко сквозь гостиничный
теле-угар.

3

ну так, саперными лопатками атака; послушаем-ка что
«санкт-петербургские-дебаты» произносят и
опять прервалась связь поскольку функцио
онирующий кельнер выполняя свой наряд
на чай, и снова перерыв, калинин-
град (он скоро будет кант) как раз сейчас
из-за двенадцати от дифтерии умерших закры
ли для. в сию минуту бодо хелль* снима
ет русским панорамным объективом
нас, на корточках сидящих пред

4

могилой хлебникова.

Перевод Ольги Денисовой

* Бодо Хелль — современный австрийский поэт (прим. переводчика).

Лев Рубинштейн

РЕГУЛЯРНОЕ ПИСЬМО

1. Пишите: «Я не помню ничего...
2. ...Я не помню ничего: ни сырых злобно шипящих дров...
3. ...ни хлещущей по оконному стеклу...
4. ...мокрой бельевой веревки...
5. ...ни этой ужасной молнии...
6. ...безжалостно перечеркнувшей ночное небо...
7. ...ночное небо вместе с остатками надежды на возвращение к прежней жизни...
8. ...на возвращение к прежней жизни».
9. Написали?
10. Далее мы пропускаем некоторые подробности вроде первого крика новорожденного, измученно-счастливого лица молодой матери и т. д. Ограничимся лишь скупым хронологическим перечнем основных событий дня.
11. Тут же необходимо вспомнить, что пожар на станции служит толчком для принятия, может быть, самого важного решения.
12. Не забудьте, кстати, упомянуть и об одиноко висящем старом пальто, один из рукавов которого засунут глубоко в карман.
13. Теперь пишите: «Я помню вот что: из окна...
14. ...Я помню вот что: из окна веранды свет медовый льется...
15. ...свет медовый льется...

16. ...и, напорвшись на крыжовник...
17. ...и, напорвшись на крыжовник, я плачу...
18. ...плачу без конца...
19. ...я плачу, плачу без конца».
20. Сцену венчания мы пропускаем. Заслуживают внимания лишь гусиная кожа на обнаженных руках Ларисы и неестественно коптящая свеча в дрожащей руке Ильи.
21. Липкое кофейное пятно на клеенке служит поводом для окончательного разрыва.
22. При этом, впрочем, не следует забывать о том, что и свет и воздух способны проникать лишь сквозь узкий зазор между замыслом и его воплощением.
23. Пишите: «Я не помню, как проходили эти дни...
24. ...Начинались они, во всяком случае, с того...
25. ...что я самым тщательным образом...
26. ...что я самым тщательным образом выметал из моей комнаты...
27. ...многочисленные трупики...
28. ...многочисленные трупики ночных бабочек».
29. Написали?
30. Теперь ненадолго прервитесь и постарайтесь вспомнить, что же все-таки могло до такой степени рассмешить двух сидящих напротив молодых женщин.
31. Далее следует подробное описание праздничного стола, которое мы, пожалуй, пропустим. Отметим только, что центром его явился непомерных размеров гусь, ставший, естественно, главным предметом веселых шуток и дружеских подначек.

ойкумена

32. В самый разгар слухов об эпидемии у Димки высокая темп., рвота и т. д. Ольга Тим. по прозв. Мальвина мечется по ночному поселку в поисках телефона.
33. Пишите: «Я помню первое апреля...
34. ...Я помню первое апреля...
35. ...примерно в пятьдесят шестом...
36. ...примерно в пятьдесят шестом...
37. ...когда меня все обманули...
38. ...когда меня все обманули...
39. ...а я буквально никого...
40. ...а я буквально никого...»
41. Написали?
42. Тогда попробуйте определить, какие конкретно пласты вашего непосредственного витального опыта в наибольшей степени актуализируются в процессе регулярного письма.
43. Затем перескажите вкратце рассказ пожилой библиотекарши об ее удивительной судьбе.
44. Во время юбилейного вечера Ал. Мих. один и тот же тост произносит дважды. Т. о. некоторые подозрения косвенно подтверждаются.
45. А теперь представьте себе что-нибудь совсем постороннее. Например, птичье перышко с капелькой запекшейся крови, примерзшее к периле балкона.
46. Представили? Тогда пишите: «Я не припомню, чтобы хоть кто-нибудь...
47. ...из близко знавших профессора Лахмана...
48. ...профессора Лахмана, смог бы упрекнуть его в отсутствии деликатности...

49. ...Тем более кажется странным и малообъяснимым...
50. ...что во время длительных и во всех отношениях приятных и интересных...
51. ...приятных и интересных совместных их прогулок...
52. ...он почему-то всякий раз...
53. ...обращал внимание своих очаровательных спутниц...
54. ...очаровательных спутниц на валявшихся вдоль дороги...
55. ...на валявшихся вдоль дороги дохлых птиц...
56. ...дохлых птиц».
57. Написали?
58. Обсуждение имени для морской свинки чуть не переходит в ссору. Обстановку разряжает шестилетняя Татка. Ее неожиданное предложение вызывает всеобщий дружный хохот.
59. Пропустим все перипетии, связанные с распределением ролей. Вспомним только, что роль Сюзанны в самый последний момент получает Наташа Овечкина.
60. Пропустим также сцену, которая заканчивается так: «А в полумраке видна лишь согбенная спина, и слышен лишь горячий шепот молитвы».
61. Пишите: «Я помню: в кухне полусонной...
62. ...Я помню: в кухне полусонной вскипала мыльная вода...
63. ...И синий ящик патефонный приоткрывался иногда...
64. ...И под шипящие пластинки ушли блаженные года...
65. ...И бледный пламень керосинки сокрыла мутная слюда...
66. ...сокрыла мутная слюда».
67. Написали?

68. А теперь опишите коротко сцену похорон Аси Соломоновны. Несколько подробнее — внутреннее состояние Володи, т. е. сложную смесь жгучего раскаяния и чувства колоссального облегчения, скрыть которое едва удастся.

69. В своей статье «Прописи для отстающих» автор, в частности, пишет: «Эта стратегия сводима подчас к функции морковки на палочке, укрепленной перед мордой осла. В смысле абсолютной недостижимости и стабильного положения на полшага впереди любого процесса». Конец цитаты.

70. А вот разговор двух молодых солдат в тамбуре вагона мы пропустим.

71. Пишите: «Я уже не помню...

72. ...действительно ли я оказался тогда...

73. ...на холодном безлюдном пляже...

74. ...и действительно ли море...

75. ...буквально к моим ногам...

76. ...выбросило неестественно...

77. ...выбросило неестественно раздувшееся тело...

78. ...раздувшееся тело утопленника-матроса...

79. ...утопленника-матроса».

80. Написали?

81. А теперь представим себе, что любой разговор, даже тот, что зашел в тупик, все равно продолжает жить своею собственной жизнью.

82. Далес даются описания плачевного положения дел милейшего Карла Яновича, его изношенной одежды, его скитаний по чужим углам. Описываются также и трагикомические приключения с его многострадальной рукописью, т. е. тем единственным, что все еще привязывает его к этой жизни.

ойкумена

83. Появившийся без предупреждения пожилой родственник мучительно долго вытирает ноги, прежде чем войти. В это время сгорают котлеты.
84. Пишите: «Я помню: в домоуправленье...
85. ...Я помню: в домоуправленье висели счеты над столом...
86. ...и вытянутые на коленях...
87. ...и вытянутые на коленях штаны...
88. ...и пыль столбом...
89. ...и день без всякого предела...
90. ...и ночь без обещанья дня...
91. ...Теперь я понял, в чем тут дело...
92. ...Теперь я понял, в чем тут дело. Ты только выслушай меня».
93. Написали?
94. Тогда пишите дальше:
95. «Не помню, сколько времени просидел я в полной неподвижности...
96. ...Не помню, задремал я или просто глубоко задумался...
97. ...Не помню, сколько прошло времени...
98. ...но очнувшись от странного оцепенения...
99. ...но когда я поднялся...
100. ...но когда я поднял голову и посмотрел в окно...
101. ...было уже темно...
102. ...была уже глубокая ночь...
103. ...уже смеркалось».

«Д
Не
стихи В.
имя как
минается
70-х «Ал
временн
Пу
представ
всем мол
го — от
М
и для ру
мок, осл
те Надеж
писанны